
ВАЛЕРИЯ -
КОРОЛЕВА
ФИНИША

ИСТОРИИ ЛЮБВИ

ЖОРА ХАРАКС

Валерия- Королева финиша

«Автор»
2026

ХАРАКС Ж.

Валерия- Королева финиша / Ж. ХАРАКС — «Автор», 2026 — (ИСТОРИИ ЛЮБВИ)

Она выигрывала все скачки. Но главная битва ждала её за финишной чертой.Детективная драма о легендарной наезднице, которая нашла в овсе смертельный яд — и запустила расследование, перевернувшее её жизнь. Вместе с хирургом, рискнувшим всем, она выходит на след могущественного синдиката, где её бывший муж — лишь марионетка.Травма, инвалидность, угрозы, потеря карьеры — но вместо бега по кругу она выбирает борьбу. За правду. За любовь. За шанс исцелять тех, кого сломали.«Когда финишная черта исчезает, начинается настоящая гонка.»

© ХАРАКС Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 17

ЖОРА ХАРАКС
Валерия- Королева финиша

Глава

ВАЛЕРИЯ -КОРОЛЕВА ФИНИША

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНИЙ ЗАЕЗД

1. Адреналиновый ураган

Ипподром «Кубанская стрела» жил сегодня в бешеном ритме. Двадцать тысяч глоток ревели так, что, казалось, бетонные трибуны вот-вот треснут. Пахло разогретым асфальтом, конским потом, дешёвым пивом и дорогими духами — все смешалось в единый, пьянящий коктейль. Солнце стояло в зените, и его лучи плавили воздух, создавая над треком марево, в котором финишные ворота дрожали, как миражи.

Семь лошадей вылетели на финишную прямую. Копыта месили влажную землю, выбивая комья дёрна. Впереди, на полкорпуса, уверенно шёл вороной Агат — монстр весом в полтонны, с мускулами, перекатывающимися под лоснящейся кожей. В его седле, облачённый в алый камзол, сидел Николай Назаров. Его лицо, обветренное и загорелое, было искажено гримасой предельного усилия. Хлыст со свистом рассекал воздух, опускаясь на круп жеребца снова и снова. Назаров не смотрел назад. Он был уверен в победе. Он всегда был в ней уверен.

Но прямо за ним, по самому внутреннему радиусу, где дорожка была самой короткой, шла гнедая кобыла Бритва. Она шла без хлыста, без криков, без насилия. На ней, прижавшись к шее, как вторая кожа, сидела Валерия Догадина — та, кого все на ипподроме называли просто Лерой. Её глаза, прищуренные от встречного ветра, не выражали ни страха, ни сомнения. Только холодная, абсолютная решимость — та, что рождается только у людей, которые уже проиграли всё и больше не боятся потерять ничего.

Она не видела лиц. Не слышала криков. Мир для неё сузился до трёх вещей: шумного дыхания Бритвы, ритмичного стука копыт и белой линии финиша, которая с каждой секундой становилась всё ближе.

— Девочка… — прошептала она, и голос её был тихим, но внутри этого шёпота звенел металл. — Наш финиш. Пошла!

Она не ударила хлыстом. Она просто переместила вес корпуса вперёд, на долю дюйма, и Бритва поняла. Кобыла взорвалась изнутри, выдав последнее, скрытое усилие — то, что отличает чемпионов от остальных. Её копыта почти не касались земли, она летела, разрезая воздух, и в последний момент, когда казалось, что Агат уже празднует победу, гнедая тень проскользнула мимо.

Копыто Бритвы пересекло финишную черту на долю секунды раньше вороного.

Трибуны взорвались. Люди вскакивали с мест, размахивали программками, орали так, что голоса срывались. Комментатор, захлёбываясь, выкрикивал:

— Королева финиша! Догадина снова берёт своё! Что это было?! Невероятный рывок! Она сделала это без хлыста! Без хлыста, дамы и господа!

Лера осадила Бритву, чувствуя, как дрожат мышцы лошади под ней. Она тяжело дышала, в ушах стоял звон, а перед глазами плыли цветные круги. Она погладила мокрую, покрытую белой пеной шею кобылы и прошептала:

— Ты сделала это, девочка. Ты лучшая.

На плечи ей уже накинули тяжёлую лавровую гирлянду, а в руки всунули массивный золотой кубок. Вспышки камер ослепляли, репортёры лезли с вопросами, но Лера, улыбаясь, почти не слышала их. Она искала взглядом одно лицо. И нашла его у конюшен, в тени навеса.

2. Тень у конюшен

Николай Назаров стоял, опершись плечом о деревянный столб, и смотрел на неё. Его лицо было непроницаемой маской — никакой улыбки, никакой злости. Только глубокая, затаённая буря. Он провёл рукой по шее Агата, который тяжело дышал, и его пальцы дрожали от сдерживаемого гнева. Он проиграл. Ей. Опять.

Рядом с ним, как тень, суетился Ахмед — его жокей-напарник, низкорослый, с лисьими глазами и вечной улыбкой на тонких губах. Он шептал что-то, наклоняясь к уху Назарова:

— Если бы дирекция не пихала эту выскочку в каждый заезд, кубок был бы наш. Ты видел, как она прошла по бровке? Это не техника, это наглость. Пора освободить конюшню от этой Догадиной, хозяин. Наши люди уже подумывают, что ты потерял хватку.

Николай не ответил. Он перевёл взгляд с Леры на Ахмеда, и в этом взгляде было столько холодного предупреждения, что Ахмед осекся и шагнул назад. Но слова остались. Они засели в голове Назарова, как заноза.

«Освободить конюшню». Он не знал, что именно это значит для Ахмеда — увольнение? Или что-то более тёмное? Но он знал одно: он сам ещё не решил, что сделает с Лерой. Она была его вечным поражением и его вечной одержимостью. Он хотел её. И ненавидел за то, что она смела не хотеть его.

3. Тревожный звоночек

Тем временем сквозь плотную стену журналистов к Лере пробился Сергей. Старый конюх, работавший с ней больше пяти лет, выглядел сегодня хуже обычного. Его лицо было серым, как пепел, под глазами залегли глубокие тени, а на лбу, даже под козырьком кепки, выступил липкий, холодный пот. Он улыбался, но улыбка была натянутой, как струна, готовая лопнуть.

— Поздравляю, Лера, — сказал он, голос его был хриплым, почти беззвучным. — Ты была великолепна. Бритва сегодня летела.

— Спасибо, Серёжа, — ответила Лера, передавая ему повод. — Ты как? Вид у тебя неважный.

— Ерунда, — махнул он рукой, но жест вышел неуклюжим, и он едва не упал, споткнувшись о собственную ногу. — Всю ночь мешки таскал на складе. Душно там, газами надышался. Сейчас отшагаю Бритву, задам ей овса из новой партии, и порядок.

Лера нахмурилась. Она знала Сергея много лет — он никогда не жаловался на здоровье. И никогда не спотыкался на ровном месте. Его руки дрожали, когда он брал поводья, и дыхание было прерывистым, словно он только что пробежал марафон.

— Какая партия? — спросила она. — Ты про новый овёс, который Ахмед привёз?

— Ага. Хороший, чистый, — ответил Сергей, но в глазах его мелькнула тень. Он отвернулся и, волоча ноги, побрёл к конюшням.

Лера смотрела ему вслед, и в её груди разрасталось холодное, липкое чувство, которое она не могла объяснить. Это был не просто страх. Это было предчувствие, что что-то здесь, на этом празднике победы, смертельно не так.

Она вспомнила, как Ахмед шептал что-то Назарову. Как Назаров смотрел на неё с ненавистью, смешанной с вожделением. Как Сергей сегодня был бледен, как призрак. И этот запах — когда она случайно коснулась его куртки, от неё пахло чем-то резким, химическим. Чесноком и тухлой рыбой.

Она тряхнула головой, отгоняя мысли. Толпа снова сомкнулась вокруг неё, репортёры требовали интервью, фотографы щёлкали затворами. Она улыбалась, говорила заученные фразы, держала кубок — но внутри неё уже зрела решимость. Как только она освободится, она пойдёт на склад. Она проверит этот овёс. Она найдёт, что так тревожит её чутьё, обострённое годами скачек, где цена ошибки — жизнь.

4. Ошибка, которой не должно было быть

Через двадцать минут Лера уже шла по боковой аллее, ведущей к зерновому складу. Она оставила кубок Корнею, попросив отнести его в раздевалку. Она сняла парадный камзол, оставшись в лёгкой куртке, и двигалась быстро, но бесшумно — привычка, выработанная за годы, когда она была вынуждена скрываться от назойливых болельщиков и навязчивых репортёров.

Запах на складе встретил её ещё на подходе. Он был резким, удушающим — смесь прелого зерна, сырости и той самой химии, которую она уловила на куртке Сергея. Она толкнула тяжёлую дверь и шагнула в полумрак.

Внутри было тихо. Только где-то в углу шуршали мыши. Мешки с овсом и ячменём громоздились до самого потолка. Лера прошла к дальнему углу, где стояла новая партия — мешки с яркой биркой, которую она не видела раньше.

Она разорвала край одного из них и зачерпнула пригоршню зерна. На вид оно было обычным — золотистым, чистым. Но когда она поднесла его к лицу, запах ударил в нос с такой силой, что она закашлялась. Резкий, чесночный, тошнотворный — тот самый, что она чувствовала на Сергее.

— Боже мой, — прошептала она, высыпая зерно обратно. — Оно отравлено.

Она упала на колени, лихорадочно перебирая зёрна, и увидела их — белесые, почти прозрачные крупинки, которых не было в обычном овсе. Кристаллы, похожие на соль, но с химическим привкусом. Она вспомнила ампулы, которые видела в кабинете главного ветеринара — там были такие же кристаллы, только в стеклянных капсулах.

— Alkylphosphate, — выдохнула она.

Она знала этот яд. Его использовали для травли грызунов на фермах, но в огромных концентрациях он убивал и людей, и лошадей. Если Бритва съест этот овёс, она умрёт в страшных мучениях.

Лера вскочила и побежала к выходу. Она должна была предупредить Сергея. Она должна была спасти Бритву.

Но на пороге склада она столкнулась с Ахмедом. Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и улыбался своей лисьей улыбкой. В руке он держал железный лом.

— Куда так спешишь, Королева? — спросил он, и голос его был маслянистым, как прогорклое масло. — Овёс не понравился?

Лера попятилась, но за спиной был только склад, заполненный мешками.

— Это ты отравил овёс, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — И Сергей надышался этим на складе. Ты хотел убить Бритву, чтобы я не участвовала в следующем заезде.

— Умная девочка, — усмехнулся Ахмед. — Но ты ошибаешься. Я хотел убить не лошадь. Я хотел убить тебя. Но Назаров сказал: «Не трогать». Он хочет тебя живую. Или почти живую. Так что я просто заставлю тебя замолчать. До завтрашнего утра.

Он шагнул к ней, занося лом, и Лера поняла, что убежать не успеет. Она пригнулась, уклоняясь от первого удара, который пробил мешок с зерном, выпустив на пол поток жёлтой отравы. Её руки, всё ещё помнящие поводья, сжались в кулаки. И в этот момент, в полумраке склада, пахнущего смертью, она поняла: это только начало. Игра, в которую она вступила, была гораздо больше, чем борьба за кубок. Это была борьба за жизнь.

Ахмед занёс лом для второго удара. Лера сжалась, готовясь прыгнуть.

Серия 1.

ЧЕРНАЯ МЕТКА

Глава 1. Диагноз из ада

Приёмный покой городской клиники никогда не спал. Днём и ночью здесь гудели лампы дневного света, пахло хлоркой и чужим страхом, а по кафельному полу, оставляя мокрые следы, бегали санитары в зелёных костюмах. Но в это утро напряжение было особенно густым, как кровь, застывающая на операционном столе.

Ровно в 9:47 автоматические двери распахнулись от удара ногой, и в коридор вкатили каталку. На ней, выгибаясь дугой, метался мужчина в пропитанной потом рабочей куртке. Изо рта шла густая, жёлтая пена, руки судорожно хватали воздух, а ноги выбивали дробь по металлическим бортикам.

— Расступись! — крикнул старший фельдшер, толкая каталку в противошоковую. — Пациент найден на ипподроме, на зерновом складе. Предположительно — травма грудной клетки копытом.

Из смотрового бокса стремительно вышел Арсений Базанов. Он был в безупречно белом халате, но галстук сбился набок, а под глазами залегла тень — третья бессонная ночь подряд. Однако взгляд его оставался холодным, цепким, словно у следователя, который за годы работы научился видеть за ранами не просто ткань, а загадку.

Он перехватил каталку, вжимаясь плечом в движение, и, не сбавляя шага, приказал:

— Давление? Пульс? Что по зрачкам?

— Систола — 90, пульс — 130, нитевидный, — доложила медсестра, уже подключая датчики. — Зрачки — миоз, сужены почти в точку. Реакция на свет вялая.

— Кислородную маску! Атропин внутривенно, два кубика.

Базанов, не дожидаясь, когда каталку зафиксируют, резким движением содрал с пациента куртку. Под ней, на бледной груди, зияла огромная гематома — багровая, почти чёрная, размером с тарелку. Но, приложив фонендоскоп, он услышал ровное, хотя и учащённое дыхание. Ни хрипов, ни бульканья, которые бывают при травме рёбер.

— Он задыхается, доктор! — крикнула медсестра.

— Нет. — Базанов отбросил фонендоскоп и поднёс к лицу пациента руку. Губы Сергея были пересохшими, из уголка рта стекала слюна. Арсений понюхал пальцы, нахмурился и повернулся к фельдшеру: — Вы говорите — копыто?

— Ну да. Гематома же.

— Гематома появилась от падения, когда он потерял сознание. А потерял он его из-за отравления. От него пахнет чесноком и тухлой рыбой. Это фосфорорганический инсектицид. Пестициды или крысиный яд. Он отравился ингаляционно — надышался на складе. Зрачки сужены не от ушиба головы, а от парасимпатомиметического эффекта яда. И, судя по темпу, концентрация была запредельной.

В этот момент монитор выдал протяжный, леденящий кровь писк. Синусовая кривая сплющилась в изолинию.

— Асистолия! — рявкнула сестра.

— Дефибриллятор! 200 джоулей! — Базанов уже стоял на подставке, начиная ритмичный непрямой массаж сердца. — Раз, два, три… Разряд!

Тело Сергея выгнулось от удара тока. Монитор на мгновение мигнул, но изолиния осталась.

— Ещё! 300 джоулей! — скомандовал Базанов, не прекращая качать грудную клетку. Его руки двигались механически, но в глазах горел холодный огонь профессионала, который не привык проигрывать.

Второй разряд. И третий. Монитор замигал, затем выдал рваный, но устойчивый ритм.

— Синус восстановлен. Давление — 100 на 70. Пульс — 90, — доложила сестра.

Базанов выдохнул, но расслабляться было рано. Он посветил фонариком в глаза пациента. Реакция отсутствовала, а за левым ухом, прямо над сосцевидным отростком, начала наливаться свежая гематома — вторая, более опасная.

— Отёк мозга. Скрытый вдавленный перелом черепа, — произнёс он, и голос его стал тихим, почти зловещим. — Он упал со стеллажа, когда терял сознание. Теперь кость давит на оболочки. Если не снять давление в течение получаса — он умрёт.

— Но нейрохирургия в другом корпусе, его не довезут! — воскликнула медсестра.

— Я знаю. — Базанов сорвал перчатки и бросил их в утилизатор. — Разворачивайте операционную. Здесь. Я делаю краниотомию.

Он уже держал в руках набор для трепанации. Его ассистенты, не задавая вопросов, начали готовить поле: антисептик, стерильные салфетки, микроскоп. Базанов работал быстро, но без суеты. Он вскрыл кожу, наложил костный фрез, и через пятнадцать минут из черепа Сергея был извлечён острый осколок, давивший на твёрдую мозговую оболочку. За ним хлынула тёмная, застоявшаяся кровь — субдуральная гематома.

— Отсос. Промыть физраствором. И фиксируем.

Он зашивал рану, и в его голове, параллельно с движениями пальцев, крутился один и тот же вопрос: *«Почему конюх отравился на складе, который принадлежит Николаю Назарову? И почему яд — немецкий инсектицид «Alkylphosphate», который не продают в обычных аптеках? Только через криминальные каналы или ветеринарные чёрные рынки…»*

Он закончил швы, снял маску. Под ней лицо было бледным, осунувшимся, но глаза горели — не усталостью, а осознанием, что он только что столкнулся с чем-то гораздо большим, чем обычный несчастный случай.

Он вышел в коридор и увидел женщину. Она стояла у поста медсестры, грязная, в изорванном камзоле, с разбитыми руками, в которых сжимала шлем. В её глазах была не истерика, а холодная, твёрдая решимость.

— Доктор, — сказала она, и голос её прозвучал как сталь. — Я Валерия Догадина. Сергей — мой конюх. Его отравили. Я нашла это на складе.

Она выложила на стол три стеклянные ампулы и шприц. Ампулы были почти пустыми, но на этикетках ещё читалась маркировка: «Alkylphosphate — концентрат. Образец № 7».

Базанов взял одну, поднял к свету. Маслянистая жидкость внутри имела слабый желтоватый оттенок и отдавала знакомым чесночным запахом.

— Это не просто пестицид, — сказал он, и голос его стал жёстким. — Это военный концентрат. В такой дозе одна капля убивает взрослую лошадь. А три ампулы — это запас, рассчитанный на целый табун. Кто владелец склада?

— Назаров. Николай Назаров, — ответила Лера, не отводя взгляда.

Базанов замер. Он слышал эту фамилию. Назаров — владелец племенного завода, золотой мальчик скачек, человек, чьё имя было на всех афишах. Но также он слышал и другое: что за безупречным фасадом скрывается тень — слухи о контрабанде, подпольных ставках, о том, что конюшни Назарова работают по двойным стандартам.

«Если это правда, — подумал Арсений, — то я только что стал свидетелем покушения на убийство. И у меня в руках — доказательство».

Вместо того чтобы вызвать полицию, он спрятал ампулы в карман халата.

— Вы надышались этим ядом, — сказал он Лере ровным, холодным тоном. — Симптомы могут проявиться через несколько часов. Токсический отёк лёгких — это смертельно. Вы остаётесь, я назначаю анализы и капельницу.

— Некогда! — Лера уже развернулась к выходу. — В три часа уходит эшелон с лошадьми на Кубань. Назаров увозит их, чтобы замести следы. Если я не успею перехватить состав, все улики исчезнут вместе с ними.

Она шагнула к чёрному ходу, и Базанов не стал её останавливать. Он только проводил её взглядом, чувствуя, как в груди разрастается холодное, почти хищное любопытство.

«Кто ты, Валерия Догадина? — спросил он себя. — Жертва, загнанная в угол? Или часть этой игры? Ты принесла мне ключ к преступлению… но открыть дверь придётся мне самому».

Он посмотрел на свою ладонь, где между пальцами застряла крошечная капля маслянистой жидкости. Он поднёс её к носу. Запах был резким, химическим — таким, что перебивал даже запах хлорки.

— Я сохраню это, — прошептал он. — Я сам разберусь.

Он повернулся и быстрым шагом направился в лабораторию, оставляя за спиной свет операционной, где Сергей, спасённый, но ещё не проснувшийся, лежал под капельницами. В его кармане лежали ампулы — три стеклянных свидетеля, которые должны были раскрыть убийцу.

Но Базанов ещё не знал, что за ними стоит сеть, опутавшая весь регион, и что его собственное прошлое тоже имеет тени, которые он пока не готов увидеть.

Погоня и падение

1. Побег из клиники

Лера вылетела из чёрного хода клиники как пуля, выпущенная из арбалета. Сердце колотилось где-то в горле, в ушах ещё звенел голос Базанова: *«Ты надышалась ядом»*. Но страха не было. Был только холодный, кристально чистый расчёт, отточенный годами скачек, где каждая секунда решала всё.

Мотоцикл взревел под ней, и она, не оглядываясь, рванула к воротам. В кармане куртки лежали три ампулы — тяжелее свинца, дороже золота. Она не знала, кто их подбросил на склад, но знала одно: эти стеклянные капсулы — ключ к смерти Сергея. И если эшелон с лошадьми уйдёт на Кубань, улики исчезнут вместе с ними.

В зеркале заднего вида мелькнул чёрный седан. Он вынырнул из-за угла, как акула из глубины, и, взвизгнув шинами, ринулся в погоню.

— Чёрт! — выдохнула Лера, выжимая газ до упора.

Ветер ударил в лицо, срывая с головы непослушные пряди волос, выбившиеся из-под шлема. Город пролетал мимо расплывчатыми пятнами: витрины, светофоры, испуганные лица пешеходов. Она нырнула в переулок, надеясь оторваться, но седан шёл за ней как привязанный. Она слышала рёв его мотора, видела в зеркало, как он подрезает грузовик, чтобы сократить дистанцию.

«Они не остановятся. Они будут преследовать меня до самого эшелона. Или до смерти».

2. Переезд

Впереди замигал красный светофор. Шлагбаум начал медленно опускаться — к переезду приближался тяжёлый товарный состав. Машины перед шлагбаумом тормозили, образуя плотную пробку. Лера понимала: если она остановится, её схватят. А если попытается развернуться, седан перекроет путь.

Она приняла решение за долю секунды.

Мотоцикл рванул на тротуар, сметая мусорный бак. Лера легла грудью на бензобак, прижимаясь к рулю, чувствуя, как вибрирует металл под ней. Она проскочила между замершими легковушками, обдав их волной горячего воздуха, и нацелилась на узкий просвет под опускающимся шлагбаумом.

— Давай! — закричала она, сжимая ручку газа.

Мотоцикл нырнул под брус. Лера почувствовала, как шлагбаум царапнул по шлему, оставляя глубокую борозду на пластике. В ту же секунду на переезд вылетел локомотив. Воздушная волна ударила мотоцикл в хвост, и её на мгновение бросило в сторону, но она удержала руль, вцепившись в него мёртвой хваткой.

Сзади раздался визг тормозов и глухой удар — чёрный седан, попытавшийся повторить её манёвр, врезался в опущенный шлагбаум. Лера не обернулась. Она знала: преследователи не сдадутся так просто. У них есть связи, деньги, время. А у неё — только мотоцикл, три ампулы и надежда успеть.

3. Товарный эшелон

Она вылетела на территорию товарной станции. В сером вечернем свете огромные составы стояли на рельсах, как спящие великаны. В воздухе пахло мазутом, ржавым металлом и сырым деревом — запах, который она знала с детства, с тех пор, как впервые ступила на ипподром.

Эшелон с лошадьми медленно набирал ход. Лера бросила мотоцикл — он завалился на бок, глухо хрустнув асфальтом, — и побежала. Сапоги вязли в гравии, ноги гудели от напряжения, но она бежала, не чувствуя боли. Только одна мысль стучала в голове: *«Бритва… Я должна успеть»*.

Она вцепилась в металлический поручень последнего вагона. Пальцы скользнули, сдирая кожу, но она удержалась. Состав дернулся, набирая скорость, и Лера, подтянувшись, забросила колено на дощатый пол. Она ввалилась внутрь, тяжело дыша, и на мгновение закрыла глаза.

В теплушке пахло лошадьми, сеном и дорожной пылью. Из полумрака на неё смотрели темные, влажные глаза Бритвы. Лошадь тихо заржала, узнавая её, и сделала шаг вперёд, касаясь горячей мордой её плеча.

— Девочка… — прошептала Лера, обнимая её за шею. — Я здесь. Я с тобой.

Она огляделась. В вагоне было ещё шесть лошадей — чистокровных, дорогих, перепуганных. Кто-то уже начал бить копытами в стенки. Лера знала: в такой тесноте, в темноте, при незнакомой тряске паника могла разразиться в любую секунду. Ей нужно было успокоить животных, найти воду, оценить обстановку.

Она села на солому, прислонившись спиной к стенке, и закрыла глаза. Тело гудело от усталости, голова кружилась. Но она была жива. И Бритва была рядом.

«Где мы? Куда нас везут? И кто отдал приказ остановить эшелон?»

4. Ночь. Лес. Тишина, которая обманывает

За окнами теплушки сгущались сумерки. Поезд шёл на юг, уводя их от города, от клиники, от Базанова. Лера сидела в углу, обняв колени, и слушала, как мерно стучат колёса. В вагоне было темно и холодно.

Она не знала, сколько прошло времени — час, два, три. Поезд замедлял ход, потом снова набирал скорость. И вдруг — скрежет, визг, резкий толчок. Состав замер. остановился посреди темного леса. Лера сжалась в комок в углу теплушки, её крупно трясло, а из груди вырывались беспомощные рыдания. Силы покинули её. Вдруг снаружи раздался хруст гравия. Замерев от ужаса, Лера нащупала в соломе сломанный черенок от швабры. Дверь плавно отъехала, и в

лунном свете появился ее наставник Чабан Тутариш в черкеске и белой папахе. Он спокойно подошел к Бритве, положил ладонь на ее храп, и перепуганная кобыла мгновенно затихла. Старик опустился перед Лерой на колено, бережно укутал её своей теплой буркой и протянул флягу с горькими травами.

ТУТАРИШ

-Есть нартское сказание о герое Сослане и крылатом коне Тхожее Сослан поймал его, оседлал Конь спросил в небе: «Зачем мучаешь? Я рожден для полета» Сослан ответил: «Всё прекрасное должно служить мне»

Минута звенящей тишины. Слышно лишь дыхание Бритвы.

ТУТАРИШ

-Тогда конь сложил крылья и разбился о скалы, чтобы не быть рабом Сослан остался жив, но до конца дней ходил пешком . Николай думает, что он Сослан . Хочет запереть тебя в золотую клетку . Но если сломать крылья орлу, он просто умрет .

Лера поднимает воспаленные глаза. Паники нет. Только холодная ясность.

ЛЕРА

Его люди уже здесь?

Тутариш

- Дальше. У старого моста тебя ждет засада, где Николай заберет тебя силой,

-Прыгай сейчас, чтобы спасти жизнь.

Лера посмотрела на Бритву, упрямо стиснула зубы и встала в полный рост.

— И оставить Бритву его наемникам? Нет, Чабан. Я своих не бросаю, — твердо ответила она.

Тутариш растворился в темноте ночи .

Поезд дал глухой гудок и снова набрал ход.

5. Спасти ценой себя

Поезд стоял на старом мосту. Под ним — чёрная пропасть каньона, а впереди, в темноте леса, мелькали огни. Кто-то шёл по насыпи. Много людей.

«Засада», — поняла она.

Лера бросилась к двери, пытаясь задвинуть засов, но было поздно. Снаружи раздались тяжёлые шаги, грубый голос выругался, и дверь с грохотом распахнулась.

В проёме стояли двое. Тот, что в серой кепке, и тот, в длинном плаще. Те же, что преследовали её в городе.

— Ахмед хотел забрать тебя тихо, — сказал Серый Кепка, усмехаясь. — Но ты слишком шустрая, Догадина. Придётся по-другому.

Он шагнул в вагон, но в этот момент лошади сорвались с места. Паника. Топот. Бешеное ржание. Бритва, испуганная резким движением, бросилась в сторону, и её круп снёс Серого Кепку с подножки. Он с криком полетел вниз, в темноту моста.

Второй, в плаще, рванулся к Лере, вытаскивая нож. Лера отскочила, схватив обломок деревянного бруса, и ударила его в плечо. Он пошатнулся, но не упал.

— Ты сдохнешь здесь, — прорычал он, замахиваясь.

Но Бритва, пятясь, сбила и его. Человек в плаще потерял равновесие и полетел следом за своим напарником.

Поезд резко дернулся, трогаясь с места. Лера выдохнула, но облегчение было недолгим. Бритва, испуганная движением, поскользнулась на влажном полу и с ужасным скрежетом соскользнула к открытой двери. Её задние ноги повисли в пустоте. Она заржала истошно, цепляясь копытами за край вагона.

— Нет! — закричала Лера, бросаясь к ней.

Она перехватила поводья, но полутонное животное тащило её вниз, в чёрную пропасть. Пальцы скользили по мокрой коже. Лера видела, как Бритва, обезумев от ужаса, скребёт копытами по воздуху, пытаясь найти опору.

.

И вдруг её взгляд упал на железный лом, торчащий из деревянной стойки. Такой же, которым Ахмед пытался её убить на складе. Он был вогнан в доски намертво, под углом.

Лера, не раздумывая, резким движением обмотала поводья вокруг лома. Кожаный ремень натянулся, скрипнул, но удержал. Лера навалилась на лом всем телом, уперевшись сапогами в стык пола, и начала выжимать его на себя, создавая рычаг.

— Давай! — хрипела она, чувствуя, как каждая мышца в её теле кричит от боли. — Бритва! Девочка, давай!

Конструкция трещала, лом гнулся, а перчатки Леры начали дымиться от дикого трения. Навалившись всем весом на согнутый металл, как на рычаг, она уперлась сапогами в стык пола и начала сантиметр за сантиметром выжимать лом на себя. Вены на ее шее вздулись**.**

Лошадь, почувствовав опору, сделала последний отчаянный толчок. Лера резко дернула лом вверх. С глухим ударом полутонное животное ввалилось обратно в вагон. Бритва тяжело дышала, её бока ходили ходуном.

Лера рухнула на колени, обнимая её за шею. Слёзы смешались с потом и кровью.

— Жива… Ты жива, девочка…

Но радость была преждевременной. Поезд резко тряхнуло, съезжая с моста на насыпь. Перетянутые поводья, не выдержав перегрузки, с хлестким звуком лопнули, как струны. Лера, державшаяся за них, по инерции вылетела вперёд — прямо в открытый проём двери.

6. Падение

Она не успела закричать. Только мгновение чистого, белого ужаса, когда воздух схватил её и понёс вниз. Руки вцепились в пустоту, пальцы судорожно сжимались, пытаясь нащупать опору. Но вокруг был только воздух, холодный и пустой.

Она ударилась о каменистый откос насыпи. Тело перевернулось несколько раз, ломая сухие кусты бурьяна. Камни рвали одежду, кожу, оставляя кровавые царапины. Она катилась вниз, теряя ориентацию в пространстве, чувствуя только боль — глухую, всепоглощающую.

Финальной точкой стало дно дренажной канавы. Лера влетела в неё спиной вперёд. Из лёгких с хрипом вырвался воздух, и в ту же секунду затылок с сокрушительной силой врезался в острый угол бетонного столба километрового знака.

Раздался жуткий хруст ломающейся кости. Боль вспыхнула и погасла, утонув в черноте.

Последнее, что она почувствовала, — как что-то тёплое и липкое разливается по лицу, заливая глаза. И запах — горький, металлический запах крови.

Она лежала неподвижно в канаве. Половина лица была скрыта в грязи. Из кармана разорванной куртки выпали три стеклянные ампулы. Две разбились вдребезги, и прозрачная маслянистая жидкость медленно вытекла на камни, смешиваясь с алой кровью. Но третья, лежавшая во внутреннем кармане, чудом уцелела. На стекле появилась лишь крошечная трещина.

Лера лежала неподвижно. Но её правая рука рефлекторно сжалась вокруг уцелевшей ампулы. Даже в бессознательном состоянии она знала: это её единственный шанс.

На стекле тускло читалась надпись: «Alkylphosphate — концентрат. Образец № 7».

7. На краю

Тяжёлый товарный состав унёсся в ночь, оставив после себя лишь облако пыли и звенящую, мёртвую тишину. Ветер шевелил сухие листья. Где-то вдалеке ухал филин.

Николай Назаров стоял на насыпи, глядя вниз. Его лицо было белым как мел. Он видел, как Лера упала, видел, как она ударилась о столб. Он слышал хруст кости.

— Скорая! — заорал он, хотя знал, что никто не услышит. — Вертолёт! Кто-нибудь!

Он побежал по склону, спотыкаясь о камни, и упал на колени рядом с ней. Её лицо было разбито, залито кровью, но она дышала — тихо, прерывисто.

— Лера… Лерочка, Любимая — прошептал он, осторожно касаясь её щеки. — Держись. Пожалуйста. Я не хотел… Я не знал, что они…

Он поднял голову. В темноте, у моста, стоял силуэт человека в длинном плаще. Тот, кто только что пытался убить её. Он смотрел на Николая, и в его взгляде не было сожаления.

— Ты… ты сделал это? — прохрипел Николай.

— Нет, — ответил плащ. — Но ты дал нам приказ перехватить эшелон. Ты не уточнял, как.

Плащ исчез в темноте. Николай остался один на коленях перед Лерой. Он держал её за руку, чувствуя, как слабеет её пульс. Он не знал, жива ли она. Но он знал одно: он разрушил всё, что было между ними. И теперь, возможно, уже никогда не сможет это исправить.

Где-то вдалеке завыла сирена. Скорая помощь. Но до неё было ещё далеко.

Тьма.

СЕРИЯ 2.
«РАЗГРУЗОЧНЫЙ ШОК»

1.

Палата интенсивной терапии утопала в полумраке. Единственный источник света — зелёное свечение мониторов, которые отбивали ровный, заунывный ритм: *бип… бип… бип…* Этот звук въедался в память, становился фоном, на котором разворачивалась чужая, хрупкая жизнь.

Воздух в палате был тяжёлым, спёртым — смесь антисептика, озона от работающего увлажнителя и того особого запаха, который бывает только в реанимации: запах надежды, смешанной с отчаянием. На тумбочке стоял наполовину опустевший стакан с водой, на котором осела тонкая плёнка пыли. Рядом — блокнот для записей медсестры, где корявым почерком было выведено: *«Догадина В.С. — состояние тяжёлое, стабильное. 06:00 — смена капельницы»*.

Лера лежала на спине, и её лицо в зелёном свете приборов казалось восковым, почти прозрачным. Голова была плотно забинтована — белые марлевые слои закрывали затылок и левую височную область, оставляя открытыми только глаза, нос и рот. Шею фиксировал жёсткий пластиковый воротник, который натирал кожу при малейшем движении. Под одеялом, на котором виднелись следы чьих-то грязных рук, её тело казалось маленьким и беспомощным, словно оно принадлежало не взрослой женщине, а испуганному ребёнку.

Она открыла глаза. Взгляд был мутным, расфокусированным — как у человека, который долго блуждал под водой и наконец вынырнул, не понимая, где он и что с ним. Сначала она увидела потолок — белый, с трещиной, которая напоминала карту реки. Потом — капельницу, которая висела на металлической стойке, и прозрачная жидкость медленно падала, капля за каплей, в пластиковую трубку, уходящую под кожу её левой руки. Трубка была зафиксирована пластырем, под которым виднелась синеватая вена.

— Фокусируйте взгляд, — раздался голос.

Голос был низким, ровным, без тени эмоций. Лера попыталась повернуть голову, но воротник не дал. Она увидела только фигуру — высокий силуэт в белом халате, который склонился над ней. Узкий луч фонарика ударил в глаза, и она зажмурилась.

— Смотрите на свет, — приказал голос. — Зрачки реагируют.

Лера почувствовала сухость во рту. Язык прилипал к нёбу, губы были потрескавшимися, словно она не пила несколько дней.

— Сожмите мои пальцы, — сказал голос, и кто-то вложил в её ладонь тёплые, шершавые пальцы.

Она сжала. Слабо, но сжала. Пальцы ответили коротким, одобрительным пожатием.

— Хорошо. Теперь пошевелите пальцами правой ноги.

Лера зажмурилась, напрягая все мышцы, до хруста в челюсти. Она пыталась вспомнить, как это делается — как она вчера, или позавчера, или когда это было, натягивала сапог на правую ногу, чувствуя упругую кожу и запах дорогого жира. Ничего. Она пыталась снова — сильнее, отчаяннее, до боли в животе. Ноги лежали неподвижно, как чужие, как мраморные изваяния, которые не имели к ней никакого отношения.

Она опустила глаза под одеяло. Увидела ровный холмик, под которым угадывались неподвижные колени. Они не двигались. Они были мёртвыми.

— Я… я не чувствую их, — прошептала она, и голос её сорвался, превращаясь в детский, испуганный шёпот. — Почему я не чувствую своих ног?!

Арсений стоял над ней, и его лицо было бесстрастным, как у скульптора, смотрящего на незаконченную статую. Он знал этот вопрос. Он слышал его от сотен пациентов, и каждый раз он резал по живому. Но врать он не умел.

— Отёк мозга после операции сдавливает моторные центры. Это временный частичный паралич. При правильной терапии чувствительность может восстановиться, — сказал он, и голос его был ровным, как шум вентиляции.

— *Может?!* — Лера попыталась приподняться, но ослепительная боль в черепе, словно раскалённый гвоздь, вонзилась в затылок и прибила её обратно к подушке. Подушка пахла хлоркой и чужим потом. Датчики на мониторе заверещали, пульс взлетел до полутора сотен, и экран замигал красным. — Когда?! У меня сезон! Мне на ипподром! Где моя лошадь?! Где Бритва?!

— Вы в реанимации после краниотомии. Любое резкое движение может вас убить, — сказал Арсений, но в голосе его не было угрозы. Только факт, который нужно было принять.

— *Успокоиться?!* — Она почти кричала, но крик её был полон слёз, которые текли по щекам, размазывая больничную грязь. — Я жокей! Если я не могу скакать, зачем ты меня вытащил?! Зачем я вообще жива?!

Она билась головой о подушку, царапала простыни, пытаясь хоть за что-то уцепиться. Её пальцы, которые ещё помнили поводья, хватали воздух. Арсений перехватил её запястья — они были тонкими и горячими, как у птицы, попавшей в силки. Он прижал их к кровати, навис сверху, и его голос стал ледяным:

— Заткнись. Хочешь встать — делай, что я говорю. Будешь истерить — останешься бревном до конца дней. Выбирай прямо сейчас: ты борешься или ты труп?

Лера замерла. Она смотрела на него, и в глазах её, мокрых от слёз, паника медленно угасала, уступая место другому чувству. Оно было холодным, колючим, опасным. Она ненавидела этого человека. Ненавидела за его спокойствие, за его силу, за то, что он не дал ей умереть.

— Как тебя зовут? — выдавила она сквозь зубы, и голос её дрожал, но в нём уже звенел металл.

— Арсений. Арсений Базанов.

Он отпустил её руки, выпрямился и отошёл к мониторам, поправляя какую-то настройку. Его пальцы, длинные и хирургически точные, мелькнули над клавишами.

— Запомни это имя, — сказал он, не оборачиваясь. — Оно будет у тебя на устах ещё долго.

Он вышел из палаты, и дверь за ним закрылась с тихим, шипящим звуком. Лера осталась одна. Она смотрела в потолок и считала трещины.

Их было семь.

Семь трещин, как семь лошадей на финише.

«Я выживу, — подумала она. — Я выживу и сломаю ему нос».

2.

В приёмном покое было шумно и людно, как всегда в субботу вечером. В углу сидел пьяный мужчина с разбитой головой и тихо пел про «белые розы». На стойке регистратуры остывал нетронутый стакан чая, в котором плавал одинокий пакетик. Дежурная медсестра, пожилая женщина с усталыми глазами, заполняла журнал, когда двери приёмного покоя с грохотом распахнулись.

Гул сирен ворвался внутрь вместе с ветром и запахом дождя. Двое фельдшеров, мокрых с головы до ног, на бегу вкатывали каталку. На ней лежала девчонка — на вид лет семнадцать, не больше. Её лицо было белым как мел, губы посинели, а волосы, выбившиеся из растрёпанного хвоста, прилипли к вискам. Левая нога ниже колена была превращена в жуткое месиво: рваные мышцы, осколки костей, запёкшаяся кровь. Временная шина, наложенная впопыхах, едва держалась, и каждый толчок кареты отдавался глухим, влажным хрустом.

— Девушка, семнадцать лет! Спортивная гимнастика! — орал фельдшер на ходу, тяжело дыша. — Провинциальный стадион — рухнула металлическая трибуна! Конечность зажата под многотонной балкой больше четырёх часов!

Из смотрового бокса выбежал Арсений. Он только что закончил осмотр пациента с аппендицитом и даже не успел снять перчатки. Увидев каталку, он мгновенно переключился — сбросил грязные перчатки в утилизатор, перехватил край кареты и, не сбавляя шага, понёсся к противошоковой палате.

— Показатели? — спросил он, и голос его был ровным, как у диспетчера.

— Давление семьдесят на сорок, падает! — крикнул фельдшер. — Пульс сто тридцать, нитевидный! Мочи нет! Моча коричневая — миоглобин!

— В противошоковую! Кислород на максимум! Инфузию соды и физраствора! Гемодиализ! — Арсений уже вбежал в палату, где его ждала подготовленная операционная бригада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.